

*Синди и Джону Харкс¹ —
нам действительно повезло,
что у нас такие друзья!*

ГЛАВА 1

Кто лишил вас жизни?
Или — кто вас убил?

Вообще-то разница весьма существенная.

Амос Декер стоял на задней террасе дома, в котором со своей коллегой, Алекс Джеймисон, гостил у ее сестры. Покачивал зажатой двумя пальцами за горлышко бутылкой пива, уже третьей за вечер, размышляя над этими двумя формулировками, вроде бы совершенно одинаковыми по смыслу. Он знал, что большинство людей о подобных тонкостях даже не задумываются — нет у них на то ни причин, ни повода. Между тем в профессиональной жизни Декера — а другой жизни он практически и не вел — главенствующую роль играл поиск точного ответа на второй из этих вопросов.

И ему ли было не знать, что разница между этими двумя определениями гораздо сложнее и запутанней, чем может показаться на первый взгляд...

К примеру, лишить человека жизни можно, и не совершая убийства с точки зрения закона.

¹ Джон Харкс (р. 1967) — известный американский футболист (имеется в виду европейский футбол, именуемый в США «соккер»). — *Здесь и далее прим. пер.*

Взять смерть в результате несчастного случая. Ваш автомобиль вдруг врезается в другой — в результате труп; или пистолет выскальзывает у вас из рук, бах — и пуля попадает в кого-нибудь поблизости. Кто-то убит, но закон не считает это убийством.

Или содействие в совершении самоубийства: неизлечимо больной человек страдает, хочет со всем этим покончить, и вы ему в этом помогаете. Подобная практика где-то узаконена, а где-то считается преступлением. Опять-таки есть погибший. Но хотя смерть в отличие от несчастного случая причиняется намеренно, все равно это не убийство, поскольку покойник сам принял решение расстаться с жизнью.

Лишить кого-то жизни, не нарушая закона, можно и при необходимой самообороне — у вас тоже было намерение, но закон гласит, что вы имеете право защищаться.

У собственно убийства тоже несколько разных градаций.

Если причиной автомобильной аварии или несчастного случая при обращении с оружием, в результате которых погиб человек, стала ваша преступная небрежность, вас могут обвинить в причинении смерти по неосторожности.

Если в ходе внезапно вспыхнувшей ссоры кто-то получает по голове дубинкой и отправляется на тот свет, то нанесшему роковой удар светит уже более серьезная статья — за непредумышленное убийство.

Убийство второй степени, довольно близкое к только что упомянутому непредумышленному, включает в себя элементы намерения и преступной неосторожности, но не содержит предварительного умысла или «выжидания в засаде», как это часто называют.

Декер отхлебнул пива, перебирая в уме условия, по которым закон делит умышленное лишение жизни на различные категории. Хуже всего, конечно же, последняя из них.

Убийство первой степени — это почти всегда осознанное намерение и «заранее обдуманное злое предумышление», как это формулирует Уголовный кодекс. Ради собственной выгоды вы желаете кому-то смерти и делаете все, чтобы это желание осуществилось.

Тех, кто способен на столь гнусное деяние, ждут со стороны закона самые суровые последствия.

Вот за такими-то преступниками Декер и гонялся чуть ли не всю свою сознательную жизнь.

Он глотнул еще пива.

«Ловлю убийц. И это все, что я на самом деле умею».

Уставился на ночное небо над Северо-Западной Пенсильванией, возле границы с Огайо, над местечком под названием Бэрнвилл. Он слышал, что некогда это был процветающий фабричный и шахтерский городок, обязанный своим существованием некоему семейству Бэрон, которое выкопало здесь шахты и построило фабрики. Даже название городка — и то в их честь. Однако все эти двигатели прогресса давно канули в Лету. Ни от шахт, ни от фабрик практически ничего не осталось. И все же люди как-то выкручивались — каждый на свой манер и каждый с тем или иным успехом. Впрочем, примерно то же самое можно сказать и о множестве других подобных местечек, раскиданных по всей Америке.

Алекс Джеймисон тем временем сидела в доме за бокалом белого вина со своей старшей сестрой Эмбер и болтала с племянницей Зоей — весьма смышленной особой, мало ли что еще и шести лет не стукнуло. Декер

с Джеймисон приехали сюда в отпуск из Вашингтона — после напряженной работы по раскрытию преступлений в составе специальной группы ФБР. Амосу не слишком-то хотелось уходить в отпуск вместе с Алекс, но их начальник, специальный агент Богарт, был непреклонен: обоим пора отдохнуть. И когда Джеймисон предложила вместе отправиться погостить к ее сестре, Декер понял, что податься-то ему больше особо и некуда.

«Ну вот и приплыли».

Еще разок отхлебнул из бутылки, уставившись на свои ботинки четырнадцатого размера.

Когда они приехали сюда, после неизбежных представлений, обмена любезностями, объятий и распаковки дорожных сумок Джеймисон вручила сестре и племяннице подарки на новоселье — Эмбер с мужем и дочкой переехали в этот дом совсем недавно. Еще задолго до того, как был приготовлен и съеден ужин, Декер полностью исчерпал все приличествующие случаю темы для разговора и откровенно мыкался, абсолютно не представляя, что бы еще такого сказать или сделать. Тогда-то Джеймисон, которая знала его, пожалуй, лучше всех остальных, потихоньку и предложила ему выйти со своим пивом — и своей неуклюжестью — во двор, чтобы сестры могли спокойно поболтать о своем, о девичьем подальше от мужских ушей.

Вообще-то в обществе Амос далеко не всегда был столь уж неловок. Шести футов и пяти дюймов ростом, весом триста фунтов с небольшим¹ — ну если честно, то не просто «с небольшим», — Декер, бывший профессиональный игрок в футбол, некогда был душой любой компании. Любил и на людей посмотреть, и себя пока-

¹ Соответственно 196 см и более 140 кг.

зять, за словом в карман не лез — честно говоря, порой даже перебарщивал в этом деле.

А потом, как это нередко случается в профессиональном футболе, — тот подлый, исподтишка, удар в голову, который навсегда переменял и всю его жизнь, и саму его сущность. После серьезной черепно-мозговой травмы он едва остался в живых. Выжил, но в мозгу что-то перемкнуло — наверное, мозгу было так проще исцелить полученные повреждения. Процесс заживления оставил в голове две серьезные отметины.

Первая — это гипертимезия, или абсолютная память. Те, кто может похвастаться подобным дарованием, обычно помнят до мелочей лишь события из собственной жизни — в остальном память их нередко подводит. Но только не Декера. Ему словно кто-то вставил в голову видеокамеру с неограниченной картой памяти. Он стал просто ходячим запоминающим устройством, не способным забыть ничего, что видел и слышал. Вскоре Амос понял, что этот обретенный талант — не только благословенный дар, но и тяжкий крест, который он теперь вынужден тащить всю свою жизнь.

Вторым последствием того удара в голову на футбольном поле стала синестезия. Какие-то «знаковые» явления вроде смерти теперь ассоциировались у него с определенным цветом. Если говорить о смерти, то она была для Декера ярко-синей, как вспышки электросварки, и от этих вспышек у него вставали волосы на затылке и противно крутило живот.

От необратимых изменений мозга необратимо изменилась и личность. Куда девался обаятельный повеса, чувствующий себя как рыба в воде в любой компании, притягивающий к себе незнакомых людей, будто магнит?

«Да, я теперь не такой».

Путь на футбольное поле после того происшествия был безвозвратно закрыт, но жизнь продолжалась — и вот он вначале обычный патрульный коп, а потом и детектив в отделе убийств в своем родном городке Берлингтоне, что в штате Огайо. Вот уже и женат на чудесной женщине по имени Кассандра — Кэсси, как он обычно ее называл, а вот у них уже и дочь-красавица Молли...

Только теперь нельзя говорить про все это в настоящем времени.

Было это все. Было.

Потому что нет у него теперь ни чудесной жены, ни красавицы дочки.

«Кто лишил вас жизни?»

«Кто вас убил?»

Ладно, Декер разобрался, кто именно отнял у него самых дорогих на свете людей. И тот, кто это сделал, заплатил дорогую цену.

Но это было ничто по сравнению с ценой, которую заплатил сам Декер. И с тем, что он платит до сих пор каждую минуту и за что будет расплачиваться до тех самых пор, пока не испустит дух.

— Тетя Алекс говорит, что ты ничего не забываешь.

Декер вздрогнул, отвлекся от тягостных воспоминаний — кого это вдруг интересуют подобные вопросы?

С другого края деревянной террасы, пристроенной к дому, на него с любопытством взидала Зоя Митчелл: два белобрысых хвостика на голове, розовая рубашечка в цветочек с длинными рукавами, под белыми шортиками — пухленькие коленки с ямочками.

— Ну да, на память вроде не жалеюся, — отозвался Декер.

В руках Зоя держала лист бумаги. На нем — с десяток длинных чисел. Сунула ему.

— А вот это можешь запомнить? — спросила с надеждой.

Декер бросил на него взгляд и тут же отдал лист обратно.

— Значит, не можешь? — произнесла Зоя, на веснушчатой мордашке которой явственно отразилось разочарование.

— Нет, это значит, что уже запомнил.

Амос монотонно зачитал ей числа в том порядке, в котором они были написаны, потому что в голове у него намертво застряла картинка: лист бумаги с цифрами.

Она несмело улыбнулась:

— Круто!

— Думаешь? — бросил Декер.

В ответ она изумленно выпучила на него свои светло-голубые глаза.

— А ты — нет?

— Не, иногда тоже думаю. Наверное, действительно круто.

Он прислонился к перилам террасы, потягивая пиво из бутылки. Зоя не сводила с него глаз.

— Тетя Алекс сказала, что ты ловишь плохих людей.

— Мы вместе ловим. У нее отличная интуиция.

Зою эта характеристика явно озадачила.

Пришлось растолковать:

— Она хорошо чувствует людей. И видит то, чего остальные не видят.

— Она моя самая любимая тетя.

— Сколько же у тебя теток?

Девочка вздохнула:

— Целая куча. Только тетя Алекс самая суперская. — Зоя расцвела. — Она приехала, потому что у меня скоро день рождения. Мне будет целых шесть лет!

— Знаю. Она мне уже сказала, что мы все вместе куда-нибудь съездим, отпразднуем это дело.

Зоя так внимательно его рассматривала, что Декер опять смутился. Отвел взгляд, сделал вид, будто озирает окрестности.

— А ты реально большой, — констатировала она.

— Не в первый раз уже такое слышу.

— Ты ведь не дашь плохим людям обидеть тетю Алекс? — спросила Зоя с весьма озабоченным видом.

Декер, который собирался еще раз приложиться к пиву, медленно опустил бутылку.

— Нет, не дам. В смысле сделаю все, чтобы такого не допустить, — несколько сбивчиво уточнил он.

Где-то вдали гулко прогремел гром.

— Наверное, будет гроза, — поспешил заметить Амос, которому очень хотелось сменить тему.

Глянул на Зою, чей невинный взгляд по-прежнему вызывал у него некоторую неловкость. Сразу отвернулся, как только громовые раскаты послышались опять.

Лето закончилось, но грозы в этих краях частенько гремели и осенью, и как раз такая осенняя гроза сейчас к ним и подкрадывалась.

— Явно приближается, — проговорил Декер, обращаясь больше к самому себе, чем к Зое.

Оглядел задний двор дома, примыкающего к их участку. Похоже, полная копия. Такой же по площади, такая же терраса на задах. Такая же крошечная лужайка. Такой же одинокий клен посреди клочка пожухлой травы.

Но было и одно отличие.

Свет в доме напротив теперь мигал. Включался, выключался. Загорался, притухал.

Декер посмотрел на небо. Несмотря на раскаты грома, молний еще не было — по крайней мере, он их по-

ка не видел. Заметно похолодало. Небо полностью закрыли свинцовые тучи, понизу стал стгущаться белесый туман, еще больше размывая очертания окрестностей.

Через несколько секунд глаз уловил красные вспышки, продвигающиеся сквозь серую муть над головой. Самолета не было видно — наверное, спешил либо поскорее сесть, либо убраться подальше, пока гроза не разыгралась в полную силу.

Амос вновь перевел взгляд на дом по соседству — свет в окнах по-прежнему помигивал, словно азбукой Морзе. Сырость, наверное, подумалось ему. Отсырели провода, вот где-то и коротит.

Услышал вдруг какой-то шум. Потом опять. И еще раз. Повторялся один и тот же странный звук, вернее, два совершенно разных звука — глухой стук, а за ним какое-то царапанье.

Вот завели машину. Судя по всему — на улице, за домом. Кто-то уезжал прямо в надвигающуюся грозу.

Прошло несколько минут, и небо расколола первая молния. Воткнулась в землю прямо у него на глазах. На сей раз бабахнуло уже как следует. Небо на глазах злое еще чернело. Ветер быстро нес тяжелые тучи, перемешивал, громоздил из них свинцовые башни у них над головами.

— Пошли-ка лучше в дом, — нервно сказала Зоя. — Мама говорит, зря люди думают, что молния в них никогда не попадет.

— Зоя, а кто там живет? — спросил Декер, показывая на дом напротив.

Она уже ухватилась за дверную ручку. Пожала плечиками:

— Не знаю.

Едва Декер перевел взгляд на дом, как вдруг увидел яркую вспышку.

Где-то внутри его, за одним из окон. Даже не понял, что это, — может, просто свет отразился от стекла. Хотя причина вполне могла быть и не столь простой, таить в себе какую-то опасность.

Амос поставил бутылку на перила, спрыгнул с террасы. Надо выяснить.

— Ты куда? — крикнула ему Зоя, в голоске которой уже звучали испуганные нотки.

Бросил через плечо:

— Иди в дом, Зоя. Мне нужно кое-что проверить.

За следующей молнией, косо разрезавшей небосвод, последовал такой оглушительный раскат грома, что Зоя пулей метнулась за дверь. Декер бросился в противоположную сторону.

Несмотря на внушительные габариты, он всегда был в превосходной физической форме — все-таки бывший профессиональный спортсмен. Ухватился за верх забора, разделяющего оба дома, легко перемахнул через него, приземлился в соседнем дворе.

Бросился по траве к дому. Гроза набирала силу. Резко похолодало, порывистый ветер налетал со всех сторон, норовил сбить с ног. Декер вырос на Среднем Западе, к опасным капризам погоды, на которые так щедра долина Огайо, давно привык — грозы и смерчи множилось там, словно раковые клетки, неся с собой гибель и опустошение.

Он понял, что вот-вот хлынет ливень, струи которого полетят чуть ли не параллельно земле.

Добежал до террасы, на которую всюю наваливался ветер, поспешно взлетел на крыльцо. На дом Эмбер он не оглядывался и не заметил, что оттуда уже вышла Алекс Джеймисон, быстро оглядывая окрестности в его поисках.

Подошел к окну, за которым видел странную вспышку. Запах сразу подтвердил его подозрения.

Отсырела электропроводка. Декеру уже доводилось расследовать поджоги, такой запах ни с чем не спутаешь. Внутри что-то горело. Пожар!

Амос прижался лицом к стеклу, пригляделся. Огонь, вызванный коротким замыканием, распространяется очень быстро, зачастую прямо внутри стен, незаметно, и вырывается наружу уже тогда, когда слишком поздно что-либо предпринимать.

Через мгновение он углядел то, что подтверждало его самые худшие опасения, — небольшие язычки пламени и дымок.

Отвел взгляд правее, и в этот момент очередная вспышка молнии ярко осветила все вокруг.

При виде того, что открылось в ее свете, Декер непроизвольно застыл. Тут же очнулся от оцепенения, бросился к задней двери. Даже не задумываясь, выбил ее плечом — почти как тогда, когда ломился напролом на футбольном поле. Хлипкая дверь не устояла, провалилась внутрь.

Гроза теперь бушевала во всю мощь, и окликов Джеймисон он не слышал. Она спрыгнула с террасы и, когда Декер выломал дверь, уже подбегала к забору. Лило как из ведра, порывистый ветер неистово швырял жалящие капли дождя прямо в лицо, слепил глаза. На всю западную оконечность «штата краеугольного камня»¹ обрушились миллионы галлонов воды. С Джеймисон слетели туфли, а сама она промокла до нитки, едва успев отбежать от крыльца.

¹ «Штат краеугольного камня» — прозвище штата Пенсильвания, которым тот обязан своему центральному положению среди первых тринадцати колоний в XVII в., составивших впоследствии США.